

Ю. Е. Березкин

ЗООМОРФНЫЕ ТРИКСТЕРЫ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ АРЕАЛЬНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ¹

Более двадцати лет назад, когда создание базы данных мирового фольклора только лишь начиналось, тексты, относящиеся к жанру сказки о животных, выглядели наименее интересными. Однако оказалось, что истории о непристойных выходках койота, прожорливости ворона и ста хитростях лисы представляют важнейший материал для реконструкции отдаленного прошлого. Не сами истории, конечно, а их протагонисты, точнее географическое распределение образов протагонистов.

Я неоднократно писал о том, что фольклорные персонажи могут быть описаны как треугольник, в углах которого находятся *герой* (свой, сильный), *противник* (чужой, сильный) и *неудачник* (свой, слабый). Четвертое сочетание (чужой, слабый) не имеет для развития действия большого значения [Березкин 2002; 2004; 2013: 226–228]. «Настоящий» трикстер занимает положение внутри этого треугольника: в его образе противоречив набор основных свойств — сильный и слабый, свой и чужой. Трикстер то выигрывает, то проигрывает в результате своих проделок, то совершает благие деяния, то творит зло, воплощая собой «ум без чувства ответственности» [Стеблин-Каменский 1963: 198]. Образцовыми трикстерами в этом смысле являются евразийская лиса и африканский заяц. Позиция трикстера внутри треугольника может быть смещена от центра в сторону неудачника, противника и героя. Трикстер-герой всегда выигрывает и воспринимается как «свой», но побеждает исключительно с помощью трюков, а не благодаря силе и храбрости. Таковы яванский карликовый олень или амазонская черепаха. Трикстер-неудачник, напротив, неизменно проигрывает и воспринимается как чужой. Таковы росомаха в американской Субарктике или гиена в Африке. В некоторых случаях подобный персонаж оказывается, однако, опасным — это трикстер-противник. Подчеркну, что речь идет не об архетипах, а о терминах, удобных для описания материала. В текстах можно найти персонажей с почти любым набором свойств, но частота встречаемости подобных наборов различна.

¹ Работа поддержана грантом РФФИ 14-06-00247.

Из 1900 мотивов, распространение которых прослежено на данный момент (октябрь 2014 г.) по всему миру, в статье использовано 160. Это наиболее яркие, легко определяемые эпизоды, связанные с неадекватным и социально неприемлемым поведением определенных зооморфных персонажей. Эпизоды, в которых конкретного трикстера трудно определить или в которых протагонисты всегда антропоморфны, в этот список не включены. Вот три десятка примеров типичных трикстерских мотивов с указанием номера по нашему каталогу. Для некоторых приведен номер сюжета по указателю ATU [Uther 2004], но подобные соответствия чаще всего приблизительны.

F65C. Персонаж имитирует свою смерть, чтобы жадно есть в одиночестве.

F81. Персонаж не узнает свое отражение в воде, думает, что на него смотрит женщина, хочет на ней жениться.

F83. Персонаж совершает что-то запретное и неприличное в месте, где его никто не видит. Вскоре затем спрашивает людей, что нового. Ему отвечают, что новостей нет — разве что имярек (данный персонаж) сделал то-то и то-то.

M3A. Персонаж предлагает водным обитателям пересчитать их, для этого образовать цепь, переходит по ней на другой берег или выбирается на сушу.

M38. Персонаж видит, как другие действуют (обычно добывают пищу) с помощью магии или приемов, отвечающих их природе. Он (или член его семьи) подражает их действиям, но терпит фиаско.

M59. Маленькое животное просит большого перевезти его через реку. Последовательно отвергает все места на теле перевозчика. Садится там, где может убить перевозчика, когда переправа закончена.

M73. Двое персонажей сравнивают свои экскременты или рвоту, дабы узнать о диете друг друга. Более слабому удается подменить выделения.

M77. Персонаж пачкает одежду или постель другого нечистотами или чем-то похожим на нечистоты и, пользуясь замешательством жертвы, достигает цели.

M83A. Персонажи спорят, кто из них старше. После того как одни рассказывают, как давно они родились, последний говорит, что в это время его сын, внук или брат умер.

M85. Персонаж, не способный забраться на дерево, грозит повалить его или залезть по стволу, если птица или белка не сбросит детеныша или яйцо. Третий персонаж объясняет, что угроза несостоятельна (ATU 56A).

M104. Персонаж прячет своего близкого родственника (детей, братьев, мать), говорит другому, что убил их. Когда другой убивает своих, оказывается, что дети или мать первого живы и здоровы.

M110. Узнав, что его везут по воде, чтобы съесть, сухопутное животное объясняет перевозчику, будто забыло на берегу тот орган, без которого мясо невкусно, который должен быть использован как лекарство и т.п. Перевозчик соглашается вернуться за этим органом, животное убегает (ATU 91).

M112. Персонаж отказывается работать вместе с другими (обычно копать или чистить источник питьевой воды), но приходит пользоваться плодами труда (ATU 55).

М120А. Персонаж нанимается плакальщицей, съедает покойника (АТУ 37).

М124. Персонаж закапывает хвост или голову домашнего животного, уверяя, что оно ушло в землю. Обычно просит тянуть за хвост (голову) и, когда тот «отрывается», обвиняет других в том, что скотина пропала (АТУ 1004).

М127. Зооморфный персонаж спасается, но остается без хвоста. Чтобы преследователь его не узнал, персонаж подстраивает так, что хвосты теряют и другие представители его вида (АТУ 2А).

М127В. Персонаж прикрепляет к телу сосуд или его часть, опускает в воду, сосуд тащит его за собой (АТУ 68А).

М132. Враг готов схватить персонажа. Тот просит сперва выбросить его одежду или обувь, подставляет уши. Враг хватает его за уши и выбрасывает, персонаж убегает.

М135. Персонаж вдоволь ест, при этом мажется или пачкается; объясняет свой внешний вид тем, что его страшно избили. Обычно лиса мажет себе голову сметаной, тестом и т.п. (АТУ 3).

М138. Персонаж плывет в лодке с целью напасть на соседей. Не заметив, что лодка повернула, он приплывает назад, нападает на собственный дом. Трикстер — персонаж, который незаметно повернул лодку.

М139. Персонаж наловил птиц, собрал в мешок, другой незаметно заменяет их колбочками.

М140. Персонаж притворяется мертвым или больным, его подбирают, он поедает продукты, которые везут люди, обычно сперва выбросив их из телеги или саней (АТУ 1).

М141. Несколько разных животных отправляются странствовать и падают в яму. Они поочередно съедают друг друга. Трикстер остается последним и выбирается из ямы (АТУ 20А).

М142. Уйдя от погони, персонаж (всегда лиса) спрашивает части своего тела, как они помогали спастись. Хвост отвечает, что он не помогал, лиса наказывает его (нередко высовывает из норы и в результате гибнет сама).

М143. Оказавшись в колодце, один персонаж предлагает другому спуститься к нему на веревке или в ведре. По мере того как тот опускается, находившийся в колодце поднимается, оставив другого внизу (АТУ 32).

М144. Более слабый персонаж говорит более сильному, что осиное гнездо — это барабан (и/или что змея — это флейта). Тот пытается использовать инструмент, искусан (АТУ 49А).

М145. Более слабый персонаж показывает более сильному его отражение в водоеме. Тот верит, что похожий на него зверь оспаривает его старшинство, бросается в воду, гибнет (АТУ 92).

М148. Трикстер просит другое животное согласиться быть съеденным — его воскресят и компенсируют причиненные неудобства. Животное верит и соглашается.

М149. Сильный противник готов убить человека. Другой, как будто не зная об этом, громко говорит, что противника человека разыскивают, чтобы убить. Противник просит не выдавать его, говорить, что он пень, бревно и т.п. Это позволяет поступать с ним как с соответствующими предметами — бросать, рубить и т.п.

M150. Персонаж нанимается пасти стадо, съедает доверенных ему животных.

Примерно 50 000 текстов, резюме которых помещены в базу данных, распределены сейчас по 909 ареальным традициям. Для Америки и основной части Евразии большинство традиций моноэтничны. Для индо-тихоокеанской окраины Азии и Африки больше половины традиций объединены в кластеры в соответствии с языковой принадлежностью и географическим расположением этнических групп. По мере накопления материала число выделенных ареальных традиций увеличивается за счет дробления полиэтничных кластеров. База данных в текстовом формате, т.е. резюме и источники текстов, доступна на сайте <<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>>, обновление раз в год в январе.

На ранних этапах исследования в центре внимания находились материалы по Северной Америке и Берингоморью. Уже при их обработке стало ясно, что зооморфная атрибуция трикстеров и мотивы, описывающие сами «трюки», есть независимые величины [Berezkin 2010a]. Включение в базу данных материалов по Евразии и Африке подтвердило этот вывод. Если сюжет с участием определенного трикстера попадает в новый для него ареал, в фольклоре которого трикстер связан с другим животным, сам сюжет сохраняется, но меняется зооморфная характеристика протагониста. И наоборот, вокруг типичного для данного ареала персонажа циклизируются любые трикстерские сюжеты, в том числе и такие, в которых соответствующее животное оказывается в несвойственной ему роли (например, заяц съедает детенышей леопарда или лиса, а не заяц послана на съеденье льву, но подначивает того прыгнуть в колодец). Иными словами, зооморфная характеристика персонажей устойчивее сюжетов с их участием. Географическое распределение определенных зооморфных трикстеров об этом ясно свидетельствует.

Общее число видов животных, которые оказываются протагонистами трикстерских эпизодов, приближается к 20-ти, но лишь немногие распространены широко и являются центрами циклизации трикстерских эпизодов. Так, паук, характерный для Западной и Центральной Африки, в данной роли выступает еще только у сиу Северной Америки (ассинибойн, тетон, санти, омаха, понка, айова, ото), причем практически лишь в антропоморфном облике. Историческая связь между африканским и американским ареалами трикстера-паука проблематична. Черепаха-трикстер, напротив, распространена широко, но является протагонистом небольшого числа эпизодов. Ареал распространения многих зооморфных трикстеров ограничен ареалом распространения соответствующих биологических видов. И лишь два трикстера — лиса/шакал/койот и заяц/кролик — имеют действительно трансконтинентальное, но при этом не повсеместное распространение и выступают протагонистами многих десятков разнообразных сюжетов. Сюда можно добавить ворона, который также является мощным центром циклизации сюжетов, хотя ареал распространения трикстера-ворона значительно уже ареалов лисы и зайца.

Заяц и кролик в фольклоре являются по сути дела одним персонажем, никогда не противопоставляются и редко упоминаются в одних и тех же повествованиях. Выбор конкретного представителя зайцеобразных зависит лишь от преобладания определенного вида на соответствующей территории. Лиса и шакал, лиса и койот могут действовать вместе, однако в качестве персонажей разных типов (трикстер и герой) тоже друг другу не противопоставлены, а в конкретных сюжетах друг друга легко заменяют. Полярная лиса (песец) никакими особенностями, отличными от особенностей рыжей лисы, в фольклоре тем более не наделяется. Как и в случае с зайцем/кроликом, речь идет о разных представителях одного семейства, но об одном фольклорном персонаже. Собака и волк к числу трикстеров в норме не принадлежат, есть лишь несколько исключений. Так, у долган «одинокий пес Лайку» оказывается протагонистом трикстерских историй, хотя наиболее распространенный долганский трикстер — это все же лиса. Если волк и играет роль трикстера, то речь идет об одном-двух сюжетах, а ядром циклизации трикстерских историй волк никогда не бывает. В случае с некоторыми повествованиями североамериканских индейцев из переводов неясно, идет ли действительно речь о волке или о «степном волке», т.е. койоте.

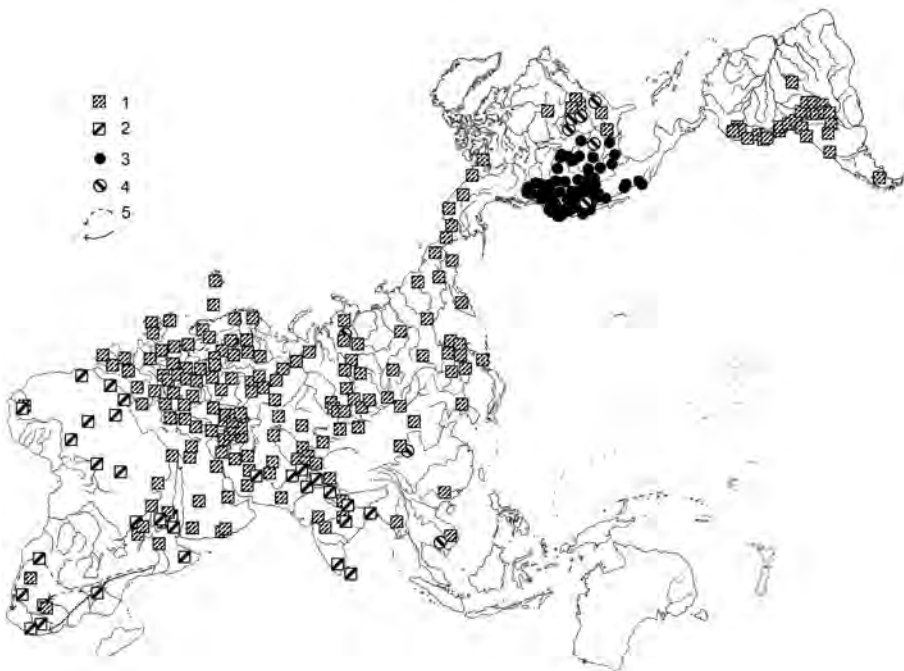

Рис. 1. Трикстеры из семейства псовых. 1. Лиса. 2. Шакал. 3. Койот. 4. Пес (у долган) или волк. 5. Реконструируемое по данным археологии продвижение на юг восточноафриканских скотоводов в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. (по: [Smith 1992: fig. 1])

Лиса/шакал/койот в роли трикстера зафиксированы для 322 выделенных традиций (рис. 1), а заяц/кролик — для 155 (рис. 2). Третьим по частоте встре-

чаемости, но с большим отрывом от двух первых, является ворон (75 традиций). Из некоторых текстов не совсем ясно, о каком именно представителе семейства врановых идет речь, но это всегда птица-падальщик темной окраски, сопоставимая с вороном по размеру. Зона обитания врановых охватывает почти весь мир, кроме юга Южной Америки и некоторых островных территорий, но ареал трикстера-ворона существенно уже (рис. 4).

В Старом Свете лиса/шакал абсолютно господствует по всей Северной и Центральной Евразии, тогда как заяц преобладает в Африке южнее Сахары, а также в Восточной и Юго-Восточной Азии. Для азиатской части ареала фольклорного трикстера-зайца в нашем распоряжении есть много данных по Тибету, Бирме, Индокитаю и Корее, но соответствующий китайский фольклор невыразителен. Указатель Н.-Т. Тина [Ting 1978] не сообщает о происхождении текстов по провинциям и тем более по этническим группам. Публикации В. Эберхарда [Eberhard 1937; 1965] информативнее, но в них не учтен богатейший материал, опубликованный по-китайски за последние полвека. Трикстер-заяц, по-видимому, отсутствует у аборигенов Тайваня, хотя соответствующие материалы могли просто остаться мне неизвестными. Уверенности в том, что в древности трикстер-зайц был характерен для восточных районов континентального Китая, поэтому нет. Однако повествований с другими зооморфными трикстерами здесь также не отмечено, так что пока я условно включаю весь восточный Китай в зону трикстера-зайца.

В Африке изолированный анклав трикстера-лисы/шакала расположен на юго-западе континента. Речь идет как о койсанских, так и о бантуязычных группах. В Южной Африке рубеж между трикстером-зайцем и трикстером-лисой/шакалом проходит между зулу и коса — народами, достаточно близкими по языку и культуре, но в этом отношении различающимися. Южноафриканский анклав лисы/шакала проще всего объяснить миграцией скотоводов из Восточной Африки. Их появление на юге континента датировали первыми веками нашей эры [Березкин 2013: 232–234; Orton et al. 2013; Plug, Voigt 1985; Smith 1992], но последние находки в Намибии указывают на конец I тыс. до н.э. [Pleurdeau 2012]. Мигрантами, принесшими на юг соответствующий фольклор, были, очевидно, не банту, а койсанские группы, которые заимствовали разведение мелкого и крупного рогатого скота у кушитов и затем продвигались к югу, осваивая пригодные для скотоводства новые территории. Некоторые сюжеты с участием лисы были на юге Африки почти наверняка заимствованы от европейцев [Ольдерогге 1959: 40–42; Krippel 1992: 31], но большая часть местных трикстерских сюжетов с участием лисы/шакала близких соответствий в Европе не имеет. Фольклор африканеров потому и мог оказать некоторое влияние на фольклор банту и готтентотов, что зооморфная атрибуция трикстера в этих традициях одинакова.

С предполагаемой миграцией восточноафриканских скотоводов в юго-западную Африку проник и один из сюжетов, характерных для Евразии и Северной и Северо-Восточной Африки — персонаж, не способный забраться на дерево, грозит повалить его или залезть по стволу, если птица или белка не сбросит яйцо или детеныша (рис. 2). Это легко опознаваемый своеобразный сюжет, появившийся сравнительно недавно — после завершения миграций

из Сибири в Новый Свет (в Америке аналогии ему не обнаружены). Нет сомнений в том, что на юго-западе Африки данный сюжет не возник независимо, а был туда принесен из основного евразийско-североафриканского ареала своего распространения. Это служит дополнительным доводом в пользу того, что и образ трикстера-лисы/шакала был принесен на юг Африки с севера.

Рис. 2. Персонаж, не способный забраться на дерево, грозит птице или белке повалить его или залезть по стволу, если та не сбросит яйцо или детеныша. Советчик объясняет, что персонаж не сможет ни повалить дерево, ни добраться до гнезда. 1. Угрожающий съесть птенца или детеныша персонаж — лиса или шакал. 2. Этот персонаж — заяц

Заметная лакуна в трансевразийском распространении трикстера-лисы обнаруживается в Западной Сибири. Здесь трикстерских эпизодов с протагонистом-лисой мало, а у энцев и северных селькупов их, возможно, нет вовсе. Лишь у тундровых ненцев трикстер-лиса довольно обычна. Редкость трикстера-лисы в Западной Сибири контрастирует с ее исключительной популярностью в Восточной и Южной Сибири, Казахстане и Восточной Европе. Типичный западносибирский трикстер антропоморфен — Ёмбу, Ёмпю у ненцев, Дёа у энцев, Итьте, Иче, Ича у селькупов, Ими-хиты, Альвали у хантов, Эква-пыгрись у манси, Каскет, Хасынгет у кетов. В отличие от большинства других евразийских антропоморфных трикстеров, которые могут быть поздними заместителями зооморфных персонажей и с которыми этиологические и космологические мотивы не связаны, западносибирские антропоморфные трикстеры выглядят исконными для своего региона, причем связанные с ними эпизоды находят параллели на северо-востоке Азии и в Америке.

В Северной Америке северная граница зоны распространения фольклорного трикстера-койота примерно совпадает с южной границей распространения ледников в период около 15 тыс. лет назад. Это можно считать доводом в пользу проникновения данного образа в Новый Свет еще в конце позднего палеолита. Трикстер-лиса встречается в американской Арктике, и ее появление здесь несомненно связано с распространением эскимосов. Неясно лишь, идет ли речь о миграции иниуитов-туле 800–700 лет назад [Friesen, Arnold 2008; Sørensen, Gulløv 2012: 100] или о более ранних проникновениях культур эскимосского типа, начиная с середины III тыс. до н.э.

Южноамериканский ареал трикстера-лисы в пределах Центральных Анд, Чако и Патагонии, видимо, возник в тот же период, когда сформировался североамериканский ареал трикстера-койота. Некоторые из соответствующих эпизодов в южно- и североамериканских текстах идентичны. В частности, это касается историй о том, как койот (в Северной Америке) или лис (в Центральных Андах и Патагонии) предлагает валуну бежать вниз по склону наперегонки и оказывается придавленным (см., например: [Arguedas, Izquierdo Ríos 1989: 33; Dorsey 1904, № 57: 143–144; Payne 1984: 73–74; Ray, Stevens 1971: 30–31; Samitier 1950: 175; Savard 1979, № 7: 30–31; Wilbert, Simoneau 1984, № 49, 84: 75, 127]). Но на юго-западе Южной Америки встречаются и такие эпизоды с участием лисы, которые наверняка были заимствованы индейцами от европейцев или африканцев. Ситуация напоминает характерную для юго-западной Африки, где тоже встретились исторически далекие друг от друга фольклорные традиции, использующие образ трикстера-лисы.

Лиса/шакал является основным зооморфным трикстером у семитов и кушитов Аравийского полуострова и северо-восточной Африки. Данных по омотам юго-западной Эфиопии мало, но похоже, что их фольклорная традиция в большей степени, чем кушитская, отражает влияние древнего доафризийского субстрата — трикстера-лисы/шакала у омотов, по-видимому, нет, а трикстером-героем в одном из текстов является заяц [Held 1904: 134–135; Kipple 1992: 195]. Семитский и кушитский фольклор содержит множество параллелей с фольклором более северных областей Африки и юго-западной Азии — как современным, так и зафиксированным в древних текстах. По-видимому, афризийцы совершенно стерли фольклорные следы более ранних групп, заселявших юг Аравии в плейстоцене и раннем голоцене. Это неудивительно, принимая во внимание периодическое обезлюдение и новое заселение аридных территорий и северные ближневосточные связи местных неолитических культур [Амирханов 1997: 173–206]. Для палеолитического населения юга Аравии вполне мог быть характерен трикстер-заяц. В пользу этого говорит локализация в пределах индо-тихоокеанской окраины Азии более десятка мотивов, характерных для Африки южнее Сахары и распространившихся, вероятно, ранее 30 тыс. лет назад в ходе расселения людей современного типа [Березкин 2013; Berezkin 2009a; 2009b; 2010b; 2010c]. Поскольку и образ трикстера-зайца/кролика распространен, с одной стороны, в Африке южнее Сахары, а с другой — в Юго-Восточной Азии (рис. 3), он также может относиться к наследию ранних сапиенсов. Все же нельзя исключать и альтернативные объяснения этих параллелей: независимое появление

трикстера-зайца/кролика в Азии и Африке и позднее азиатское влияние на Африку. Примеров такого влияния также немало [Березкин 2013].

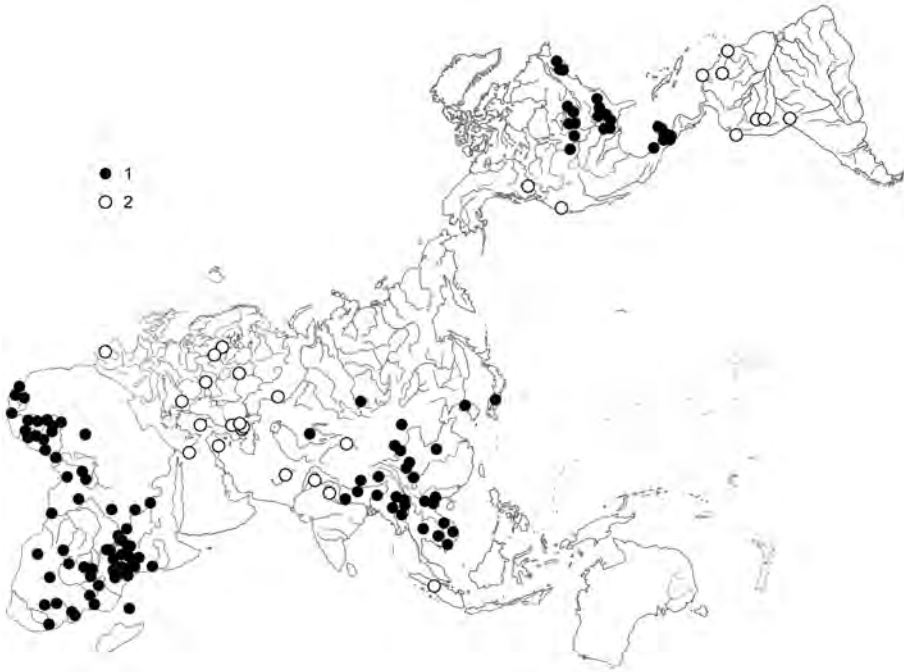

Рис. 3. Заяц или кролик в роли трикстера.

1. Типичен, представлен во многих эпизодах. 2. Нетипичен, единичные эпизоды

В Африке южнее Сахары заяц-трикстер отсутствует на территории, приблизительно совпадающей с бассейном Конго и в основном покрытой влажным тропическим лесом. Возможная причина — влияние субстрата на фольклор современных бантуязычных групп [Березкин 2013: 236–237]. Если этот субстрат был пигмейским, данное предположение трудно, однако, обосновать. Фольклор пигмеев слабо изучен, но у группы ака, сведений по которым больше всего, трикстером является именно заяц [Trilles 1932: 318–321]. В то же время трикстерские эпизоды у ака относятся к числу обычных для Евразии и Северной Африки и вряд ли местного происхождения.

В Евразии и Северной Африке зоны распространения лисы/койота и зайца/кролика в качестве трикстеров не разделены непреодолимой границей. Трикстер-заяц встречается у тувинцев и казахов, хотя и значительно реже лисы. Единичные тексты с трикстером-зайцем распространены до Атлантики (португальцы), но речь идет лишь о двух сюжетах: ATU 36 (заяц бесчестит лису или волчицу) и ATU 145 (заяц показывает льву его отражение в водоеме, тот бросается на «соперника» и тонет). Часть европейских данных такого рода еще не включена в наш каталог, а указатель ATU в данном случае бесполезен, поскольку не различает варианты с зайцем и лисой. В любом случае нет сомнений, что в Западной Евразии заяц-трикстер по популярности с лисой несравним. Со своей стороны, лиса-трикстер изредка встречается в Юго-

Восточной Азии (тексты с ее участием записаны главным образом у седанг Вьетнама). В Африке у нилотов, в частности у шиллук, трикстером бывает как заяц, так и лиса.

На востоке Северной Америки и в Мезоамерике трикстер-кролик мог появиться вместе с ранними мигрантами в Новый Свет, пришедшими из Восточной Азии. Во всяком случае, он должен был быть известен здесь до Колумба, поскольку сцены с кроликом, в которых тот выступает, по-видимому, как обманщик, запечатлены на керамике майя Классического периода [Березкин 2003; Grofe 2009: 2]. В Северной и Центральной Америке индейский фольклор подвергся мощному африканскому влиянию, однако прямые африканские заимствования чаще всего легко отличить от сюжетов, имеющих индейские корни. Для Южной Америки, где кролик-трикстер встречается реже, чем на североамериканском Юго-Востоке, ситуация не столь ясна. Я не берусь судить, появился ли здесь данный образ под воздействием фольклора негров-рабов или восходит к доиспанским традициям. Центром циклизации трикстерских мотивов кролик в Южной Америке в любом случае не является.

Рис. 4. Трикстер-ворон. 1. Типичен, связан со многими эпизодами. 2. Менее типичен, встречается в двух эпизодах из отобранной серии трикстерских мотивов. 3. Редок, один эпизод

Трикстер-ворон господствует в фольклоре северо-запада Северной Америки (рис. 4), а у палеоазиатов и эскимосов северной Аляски и района Берингова пролива встречается наряду с лисой и песцом. В единичных случаях (в частности, в рассказах о том, как две птицы раскрашивали друг друга и одна из них осталась недовольна обретенной раскраской) трикстер-ворон

встречается вдоль тихоокеанского фронта Азии и в Австралии, а также на севере Сибири. В Америке зона трикстера-ворона обрывается примерно на границе Британской Колумбии и Вашингтона. Самая южная традиция, где этот образ абсолютно преобладает, представлена фольклором атапасков чилкотин. У близкородственных чилкотин карьер трикстер антропоморфен. Как исключение трикстер-ворон встречается у сэлишей, сахаптин и алгонкинов Субарктики и Великих Равнин (кри северной Манитобы, черноногие, арапахо), но не далее на юг. Подобное распределение заставляет предполагать относительно позднее появление ворона в роли главного протагониста трикстерских эпизодов. Скорее всего, «вороний цикл» сформировался в Северной Пацифике на основе тенденций, существовавших в фольклоре притихоокеанских районов Азии. Но возможно и другое объяснение: трикстер-ворон был характерен для древней Берингии, но оказался утрачен первыми группами индейцев, проникших к югу от ледника. Ввиду малочисленности таких групп мог сработать эффект прародителя – особенности, характерные для небольшого числа носителей культуры, были унаследованы их многочисленными потомками. Возможно, что был утрачен не образ ворона, а трикстер как тип персонажа, поскольку на востоке Южной Америки, где сохранение наследия древнейших мигрантов наиболее вероятно, настоящих трикстеров вообще нет.

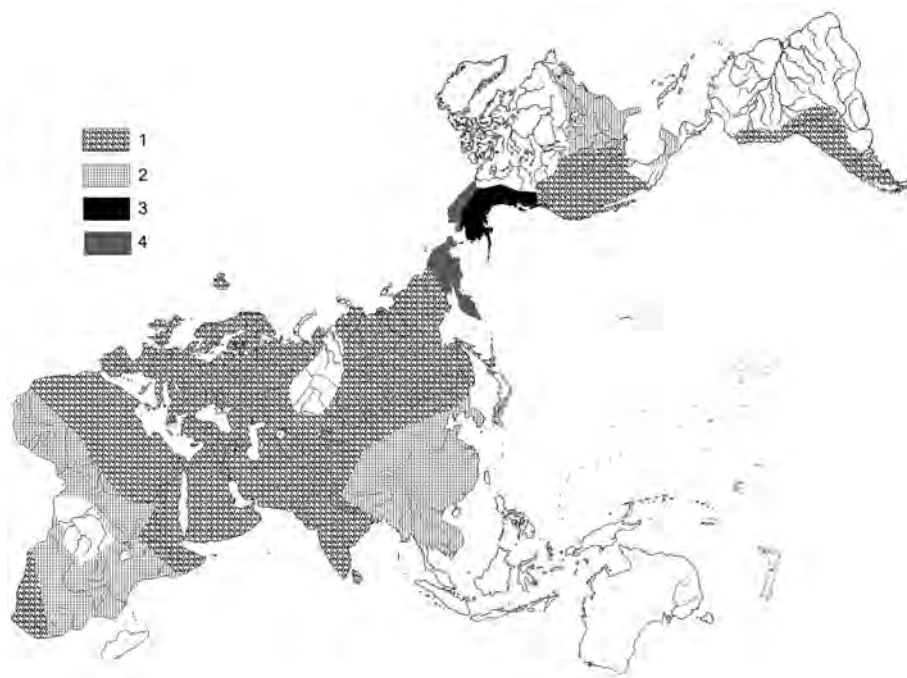

Рис. 5. Схема мирового распространения трех наиболее популярных зооморфных трикстеров. 1. Лиса/шакал/койот. 2. Заяц/кролик. 3. Ворон. 4. Ворон и лиса (песец) в примерно равной пропорции

Рис. 6. 1. Фольклорные традиции, в которых паук выступает в роли трикстера. 2. Африканский ареал распространения мотива «собака виновна в том, что человек смертен». 3. Ареал распространения мотива «коза или овца виновны в том, что человек смертен»

По мере обработки новых материалов картина мирового распределения господствующих зооморфных трикстеров будет уточняться. Однако наличие двух главных характерных для Старого Света трикстеров, лисы/шакала и зайца/кролика, не вызывает сомнений. Не исключено, что оно отражает культурную дифференциацию современного человечества после выхода из Африки. Связь лисы/шакала с бореальным, или континентально-евразийским, комплексом мотивов [Березкин 2013: 9; Васильев и др. 2011: 74–75] выглядит очевидной. Связь зайца/кролика с аустральным, или индо-тихоокеанским, комплексом не столь однозначна, поскольку в островной части Юго-Восточной Азии, не говоря уже об Океании и Австралии, этот трикстер почти не встречается. Соответственно, как уже было сказано, возможны разные истолкования данных, в том числе обратный перенос фольклорных мотивов из Азии в Африку и независимое формирование азиатского и африканского ареалов.

В Западной и Центральной Африке конкурентом зайцу является паук. У бантуязычных народов в роли трикстера он никогда не фигурирует (рис. 6). Почему в фольклоре одних западноафриканских групп предпочтение отдано пауку, а у других — зайцу, неясно. Корреляция с распространением языковых семей отсутствует, но прослеживается частичная корреляция с распространением образов собаки и овцы/козы как протагонистов историй о появлении смерти, основанных на мотиве «ложной вести» [Березкин 2013: 64–65]. Эти

образы не могли получить распространения в тропической Африке раньше появления там соответствующих домашних животных (около 5 тыс. лет назад). Данное обстоятельство можно считать доводом в пользу относительно позднего распространения мотива трикстера-паука по сравнению с мотивом трикстера-зайца — предкам банту до начала их расселения трикстер-паук вряд ли мог быть известен. Поскольку чаще всего трикстер-паук представлен на территории от Того до Гвинеи, именно здесь он и мог раньше всего стать центром циклизации повествований.

Библиография

Амирханов Х.А. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М.: Научный мир, 1997.

Березкин Ю.Е. Смех в фольклорных текстах индейцев Америки // Смех: истоки и функции. СПб.: Наука, 2002. С. 82–103.

Березкин Ю.Е. Трикстер Кролик: Иконография маяя и фольклор индейцев североамериканского Юго-Востока // Древние цивилизации Старого и Нового Света: Культурное своеобразие и диалог интерпретаций. М.: РГГУ, 2003. С. 53–59.

Березкин Ю.Е. Трикстер как серия эпизодов // *Studia ethnologica*. Труды факультета этнологии. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. С. 98–165.

Березкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013.

Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г. Сибирь и первые американцы. СПб.: Нестор-История, 2011.

Ольдерогге Д.А. Сказки народов Африки. М.; Л.: Государственное изд-во худ. лит-ры, 1959.

Стеблин-Каменский М.И. Старшая Эдда // Старшая Эдда. Древнескандинавские песни о богах и героях: 181–213. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

Arguedas J.M., Izquierdo Ríos F. Del folklore de Arahuaay // *Anthropologica del Departamento de Ciencias Sociales, Pontificia Universidad Católica del Perú*. 1989. Año VII. No. 7. P. 5–39.

Berezkin Yu. Out of Africa and further along the Coast (African — South Asian — Australian mythological parallels) // *Cosmos: The Journal of Traditional Cosmology Society (Edinburgh)*. 2009a. Vol. 23. No. 1. P. 3–28.

Berezkin Yu. Why are People Mortal? World Mythology and the «Out-of-Africa» Scenario. Ancient Human Migrations. A Multidisciplinary Approach. Salt-Lake City: The University of Utah Press, 2009b. P. 242–264.

Berezkin Yu. Tricksters trot to America. Areal distribution of folklore motifs // *Folklore (Tartu)*. 2010a. Vol. 46. P. 125–142.

Berezkin Yu. The emergence of the first people from the underworld: Another cosmogonic myth of a possible African origin // *New Perspectives on Myth. Proceedings of the Second Annual Conference of the International Association for Comparative Mythology*. Haarlem: An African Journal of Philosophy / *Revue Africaine de Philosophie*. 2010b. P. 109–125.

Berezkin Yu. From Africa and back: some areal patterns of mythological motifs // *Mother Tongue, Journal of the Association for the Study of Language In Prehistory*. Fifteen Anniversary Issue. 2010c. Vol. 15. P. 1–67.

Dorsey G.A. Traditions of the Arikara. Washington: Carnegie Institution, 2004.

Eberhard W. Typen chinesischer Volksmärchen. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1937.

Eberhard W. Folktales of China. Chicago: University of Chicago Press; L.: Routledge & Kegan Paul, 1965.

Friesen T.M., Arnold Ch.D. The timing of the Thule migration: new dates from the Western Canadian Arctic // *American Antiquity*. 2008. Vol. 73. No. 3. P. 527–538.

Grofe M.J. The name of god L: B'olon Yokte' K'uh? // *Wayeb notes*. 2009. No. 30. P. 1–19.

Held T. von. Märchen und Sagen der Afrikanischen Neger. Jena: H.W. Schmidt's Verlagsbuchhandlung, 1904.

Kripple M.A. African Folktales with Foreign Analogies. N.Y.; L.: Garland Publishing, 1992.

Orton J., Mitchell P., Klein R., Steele T., Jorsburgh K.A. 2013. An early date for cattle from Namaqualand, South Africa: implications for the origins of herding in southern Africa // *Antiquity*. 2013. Vol. 87. No. 335. P. 108–120.

Payne J. Cuentos Cusqueños. Cusco: Centro de estudios rurales andinos «Bartolomé de Las Casas», 1984.

Pleurdeau D., Imalwa E., Déroit F., Lesur J., Veldman A., et al. «Of Sheep and Men»: earliest direct evidence of caprine domestication in Southern Africa at Leopard Cave (Erongo, Namibia) // *PLoS ONE*. 2012. Vol. 7. No. 7. P. e40340.

Plug I., Voigt E.A. Archaeological Studies of Iron Age communities in South Africa // *Advances in World Archaeology*. 1985. Vol. 4. P. 189–238.

Ray C., Stevens J. Sacred Legends of the Sandy Lake Cree. Toronto: McClelland and Steward, 1971.

Samitier M.L. Primer ramillete de fábulas y sagas de los antiguos patagones // *Runa*. 1950. No. 3. P. 170–199.

Savard R. Contes indiens de la Basse Côte Nord du Saint-Laurent. Ottawa: National Museums of Canada, 1979.

Smith A.B. Origins and spread of pastoralism in Africa // *Annual Review of Anthropology*. 1992. Vol. 21. P. 125–141.

Sørensen M., Gulløv H.Ch. The prehistory of Inuit in Northeast Greenland // *Arctic Anthropology*. 2012. Vol. 49. No. 1. P. 88–104.

Ting N.-T. A Type Index of Chinese Folktales in the oral traditions and major works of non-religious classical literature. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1978.

Trilles R.P. Les Pygmées de la Forêt Équatoriale. P.: Librairie Vloud & Gay, 1932.

Uther H.-J. The Types of International Folktales. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004.

Wilbert J., Simoneau K. Folk Literature of the Tehuelche Indians. Los Angeles: UCLA Latin American Center Publications, 1984.